

Неустановленный автор

Правитель Чакаля

Загадки истории

Неустановленный автор

Правитель Чакаля

«Научная книга»

автор Н.

Правитель Чакаля / Н. автор — «Научная книга», — (Загадки истории)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Автор неизвестен

Правитель Чакаля

Глава 1

– Вы даже себе не представляете, какой мы отсняли материал! – Святослав Михайлович Полянский, который только что вернулся из поездки по Центральной Америке, возбужденно ходил по комнате и делился впечатлениями с женой и сыном.

Святослав Михайлович вел на телевидении передачу «Загадки прошлого», посвященную тем событиям человеческой истории, о которых в научном мире нет единого мнения.

Полянский вместе со своей съемочной группой ездил по всему миру, снимая руины древних городов, археологические раскопки гробниц, поселений и дорог, возведенных людьми, жившими столетия, а то и тысячелетия назад. Святослав Михайлович всецело был поглощен своей работой, и когда его начинала интересовать очередная тайна в истории, он все свое время посвящал поиску ответа на те вопросы, на которые не могли однозначно ответить историки всего мира.

Самым горячим поклонником и активным помощником Полянского был его двенадцатилетний сын Никита. Мальчик мог слушать рассказы отца часами. Если поездки на съемки Полянского-старшего совпадали по времени с каникулами в школе, Никита с радостью ездил вместе с отцом. Маленького роста, светловолосый мальчик, несмотря на несчетное количество задаваемых им вопросов, был любимцем всей съемочной группы. Общительный и добрый, Никита мог найти общий язык с кем угодно.

Однажды Святослав Михайлович был безмерно удивлен, застав своего сына, внимательно слушающего рассказ мальчика-египтянина, несмотря на то, что тот говорил исключительно по-арабски.

– Неужели ты что-то понял из того, что он тебе говорил? – спросил потом Полянский у сына.

– А что тут не понять? – удивился Никита. – Он объяснял, как кормить верблюда.

Когда мама Никиты узнала, что сын кормил в Египте верблюда, то была крайне возмущена.

– Как ты мог позволить ребенку подойти к этому громадному животному? Это же опасно! – упрекнула она мужа.

Наталья Викторовна Полянская хотя и с уважением относилась к работе мужа, но часто вовсе не приходила в восторг от того, что тот неделями пропадает в командировках на съемках, а потом чуть ли не сутки проводит в студии, занимаясь отбором материалов и подготовкой к передачам.

Наталья Викторовна работала хирургом, и характер ее вполне соответствовал ее профессии – она была женщиной решительной, придерживающейся строгих принципов в воспитании сына и ведении дома. Полянская не терпела малейшего беспорядка в доме, и по этому поводу между ней и мужем с сыном частенько возникали споры. Святослав Михайлович был убежден, что его работе только помогает тот «творческий беспорядок», как он называл груды исторических книг, журналов, видеокассет со съемок, а также предметов, привезенных из разных стран, которые он воздвигал чуть ли не ежедневно в квартире.

Наталья Викторовна с завидным упорством регулярно ликвидировала все эти завалы, аккуратно раскладывая все по полочкам громадного стеллажа в кабинете мужа. На протесты супруга она отвечала так: «Я не позволю тебе превратить этот дом в логово сумасшедшего историка!» В результате, Святослав Михайлович, отчаявшись спорить с женой, принимался за

поиски нужных ему материалов, для чего ему приходилось обыскивать порой все полки стеллажа и ящики письменного стола.

Итак, всего полчаса назад Полянский-старший вошел в квартиру с несколькими довольно объемными сумками, и тут же принялся рассказывать о том, насколько успешной оказалась поездка.

– Мы полностью посвятим нашу следующую передачу индейцам майя, – говорил Святослав Михайлович. – Это же удивительно: буквально за считанные десятилетия жизнь целого народа замирает. Люди перестают строить храмы, возводить стелы и вообще, сами куда-то исчезают! А ведь майя были крайне высокоразвитым народом! Просто потрясает воображение их уровень архитектуры, скульптуры, живописи! И вдруг они покидают свои города так, как будто собираются в них вскоре вернуться, но уходят навсегда! Вы можете себе представить что-нибудь подобное?

– А куда же они все делись-то? – спросил Никита. Он сидел на диване и вертел головой, следя за перемещениями папы по комнате.

Загорелый и похудевший в южных краях Полянский-старший воодушевленно принялся рассказывать дальше:

– А вот на этот вопрос до сих пор ученые отвечают по-разному! Одни говорят, что майя истощили почвы вокруг своих городов, и наступивший голод заставил их искать другие земли для поселений. Другие уверяют, что на майя напали другие племена индейцев, пришедших с севера. Еще есть версия, будто этот народ погиб в результате мощной катастрофы, землетрясения, например.

– А ты сам-то как думаешь, что с ними случилось? – поинтересовалась Наталья Викторовна, начавшая накрывать на стол.

– Я еще сам не знаю, – пожал плечами Святослав Михайлович. – Мы в передаче отразим все версии. Наверное, приглашу сняться профессора Шахрина – он отличный специалист по индейцам и наверняка сможет рассказать массу интересного.

Эх, видели бы вы, как там здорово! Джунгли, каменные развалины! Я привез столько интересного, сейчас покажу! – подмигнул он Никите.

Но ничего показывать Полянскому-старшему не позволили: Наталья Викторовна отправила его и сына мыть руки и усадила за стол. Никите не терпелось посмотреть на то, что привез отец, поэтому он торопливо глотал горячий суп, торопясь поскорее выйти из-за стола. Конечно же, это сразу заметила мама. «И не стоит давиться, ешь помедленнее!» – сказала она.

Папа Никиты ел с видимым наслаждением – он вообще любил вкусно и неспеша поесть и сам увлекался приготовлением всевозможных необычных блюд, рецепты которых собирал во всех странах, в которых ему выдавалось побывать. Он с увлечением принялся рассказывать, как учился в поселке индейцев готовить какое-то сложное блюдо из сладкого картофеля.

Обед растянулся, и Никита уже несколько раз порывался вытянуть отца из-за стола и потащить к так манившим его сумкам, но родители, не видевшиеся две недели, продолжали разговаривать на самые разные темы, абсолютно ему не интересные.

Наконец, они вместе убрали посуду со стола, и папа стал распаковывать свой багаж. В первую очередь из недр большой сумки были извлечены подарки для мамы и Никиты. Наталья Викторовна сразу же отправилась примерять необычное платье из холщевой ткани, затейливо расшитое. Святослав Михайлович объяснил, что такие платья шьют индейцы в тех местах, где жили древние майя. Никите были вручены несколько нашейных амулетов с нарисованными на них свирепыми рожицами индейских богов.

Потом на диван, стол и прямо на пол Святослав Михайлович начал выкладывать десятки фотопленок, пачки уже отпечатанных снимков, видеокассеты, журналы и блокноты, исписанные мелким, абсолютно неразборчивым почерком Полянского.

– Пап, а здесь что? – Никита показал рукой на коробку с яркими этикетками с надписями на английском языке.

– Это подарки нашей передаче от одного археологического музея в Гватемале, – Святослав Михайлович осторожно развернул коробку и стал ножом разрезать скотч, которым была заклеена крышка.

– Подарки?! – у Никиты от любопытства загорелись глаза. – А что вам подарили?

– В основном это копии майяских статуэток, посуды, – сказал папа, – но есть здесь и парочка настоящих предметов, сделанных мастерами майя в 10 веке. Это статуэтка бога дождя и маленькая глиняная маска.

Бережно, словно они могли рассыпаться от неловкого прикосновения, Святослав Михайлович вынул из коробки завернутые во много слоев бумаги предметы и стал не спеша их распаковывать. Он поставил на стол небольшую статуэтку индейского божка – его суровое лицо обрамляла сложная прическа, а в руках он держал короткое весло. Вся глиняная фигурка была какой-то скорченной, согнутой вперед.

– Скорее всего, она не вся уцелела за прошедшие столетия, – сказал Святослав Михайлович, тоже разглядывая статуэтку. – Чак – так майя называли своего бога дождя, обычно изображался плывущим на лодке. Наверное, лодка просто откололась. На то, что она была, указывает и согнутое положение фигурки – видишь, божок сидит, поджав под себя ноги – так обычно размещались в лодках майя.

– А где они плавали, по речкам? – спросил Никита, продолжая рассматривать божка.

– И не только! – воскликнул Полянский-старший. – Жизнь майя тесно была связана с морем. Они делали долбленные лодки из стволов деревьев.

– Знаю, знаю, – важно кивнул Никита. – Каное! Но разве на них можно плавать по морю?

– Еще как! – отозвался папа. – Майя обменивались товарами со многими индейскими племенами, добираясь до их земель на своих больших каное или пирогах по морю. Кстати, первооткрыватель Америки Колумб первым встретил майя, которые плыли на большой пироге со множеством товаров из разных индейских земель. Колумб и его спутники были очень удивлены размерам лодки. Брат первооткрывателя, Бартоломе Колумб, писал, что та лодка была не меньше восьми шагов в ширину, и на ней находилось более 25 человек.

– И что, они плавали по морям на своих пирогах и гребли на веслах? – недоверчиво спросил Никита.

– Какое-то время считалось, что индейцы не знали паруса до появления в Америке европейцев, но все указывает на то, что это не так, – ответил Святослав Михайлович. – И летописи майя, и археологические находки подтверждают, что лодки индейцев были оснащены не только веслами, но и парусами.

– А что это за маска? – Никита перевел взгляд на другой предмет, который папа положил на стол.

Маска была небольшой и изображала человеческое лицо с глазами удлиненной формы, большим носом и пухлыми губами.

Нижняя часть лица, от переносицы, была разрисована разноцветными узкими полосами, изгибающимися на скулах вниз под прямым углом.

Только Святослав Михайлович открыл было рот, чтобы рассказать о маске, как зазвонил телефон, и Полянский-старший погрузился в обсуждение с кем-то из коллег каких-то вопросов по работе. «Все, поговорили», – с сожалением подумал Никита. Он знал, что теперь папа освободится не скоро. Мальчик пошел в свою комнату, где повесил на стенку амулеты, привезенные ему папой.

Никита с гордостью оглядел свою комнату. Здесь находилось масса милых его сердцу вещей. По стенам были развешаны сувениры, подаренные отцом и его друзьями: металлический колокольчик из тибетского монастыря, чукотский амулет из оленьей шерсти, самый насто-

ящий ковбойский кнут и множество других. Индейские талисманы заняли почетное место в коллекции Никиты.

В комнату заглянула мама и сказала, что вечером к ним придут гости. Никита обрадовался, ему нравились родительские друзья и знакомые: большинство из них были людьми интересными и рассказывали о себе и своей работе много захватывающего и смешного.

Он прислушался: на кухне из крана текла вода – значит, мама уже приступила к приготовлению праздничного ужина. Папа же в своей комнате продолжал говорить с кем-то по телефону.

Мальчик решил скоротать время до прихода гостей в своей комнате, так как догадывался, что стоит ему сейчас попасться на глаза маме, как его тут же «осчастливят» всяческими глупыми поручениями вроде чистки картошки или бегания в магазин за хлебом. Поэтому он взял с книжной полки еще не дочитанную «Карму и медитацию» и с наслаждением вытянулся на диване.

В последнее время Никита заинтересовался восточными философиями и учениями. Особенно его увлекали книги о перерождении человеческих душ, о законах, которые этим управляют.

Интерес к этому у Никиты появился после того, как он посмотрел фильм про людей, занимающихся китайским искусством ушу.

До этого мальчик думал, что ушу – просто вид восточной борьбы, а оказалось, что это целая философия и очень сложное учение. После этого Никита прочитал несколько статей и книг не только по ушу, но и по йоге, буддизму. Теперь заветной мечтой мальчика стало овладение медитацией. Однажды он решил поделиться со своим закадычным другом, одноклассником Ваней Мухиным.

– Представляешь, сидишь ты у себя дома, на балконе скажем, сосредоточился, перестал думать вообще, глаза закрыл, сел в позу «лотоса». В общем, тебе становится все равно, что там происходит с твоим телом: тепло тебе или холодно, а в это время твоя душа путешествует в астральном мире.

– Каком мире? – спросил удивленный Ваня.

– Ну, понимаешь, это такой мир, ну, как другое измерение, там можно летать, и вообще... Это как сон, – Никита сделал неопределенный жест рукой.

Оказалось, рассказывать о прочитанном в книжках довольно сложно. Никите пока не удавалось получить четкого представления о так интересовавших его вещах, поэтому он и не мог толком объяснить их суть. А когда Мухин спросил, что будет, если к человеку во время медитации подойти и громко крикнуть прямо над его ухом, он пришел в бурное возмущение – Ваня явно не хотел относиться к увлечению друга серьезно. По этому поводу между приятелями случилась ссора, и теперь они даже не здоровались.

Стоило Никите, раскрыв книгу, погрузиться в изучение третьей чакры – особой энергетической точки на теле человека, как раздался голос мамы: «Никитка! Нужно сходить за молоком!» Пришлось закрыть «Карму и медитацию» и отправиться в магазин. Потом мама попросила его помочь ей нарезать салат, потом – накрыть на стол...

В общем, Никита облегченно вздохнул, когда у дверей раздался звонок и появились первые гости – совсем молодой оператор Женя, вместе с Полянским-старшим ездивший в Центральную Америку, и его жена Соня. Рыжеволосый и всегда неунывающий Женя очень нравился Никите, и еще больше симпатии в его глазах тот заслужил, когда вручил мальчику сувенирное индейское копье, купленное в Гватемале. Из своей комнаты наконец вышел Святослав Михайлович, избавившись от нескончаемых телефонных звонков, раздававшихся целый день.

Чередой начали приходить другие гости. Самым последним в квартире Полянских появился мужчина, которого Никита до этого еще ни разу не видел. Незнакомец был одет в

черные джинсы и рубашку. Когда папа Никиты провел пришедшего в комнату, он представил его остальным гостям:

– Познакомьтесь – это Виталий Валентинович Ким, человек, объехавший всю Азию и отлично разбирающийся во всевозможных восточных учениях и религиях.

– О, вы же принимали участие в передаче мужа, – узнала Кима Наталья Викторовна. – Вы рассказывали так много интересного о Тибете! Мне очень понравилось.

Ким молча кивнул. Как вскоре выяснилось, он вообще не отличался разговорчивостью и предпочитал вежливо слушать других, лишь изредка коротко отвечая на обращенные к нему вопросы. Начался ужин, в ходе которого Полянский и оператор Женя, постоянно подшучивая друг над другом, рассказывали много интересного о своей поездке по землям, на которых раньше жил древний народ майя.

Женя поведал, как однажды Святослав Михайлович, вовремя привала в джунглях, когда вся съемочная группа вместе с парой проводников из местных жителей пробиралась к полуразрушенному городу индейцев, решил всех накормить «настоящим» обедом. Полянский, как истовый кулинар-любитель, нарезал на мелкие ломтики практически все продукты, которые нашлись у путешественников в рюкзаках. В завершение гастроном решил сделать блюдо более экзотическим и добавил в него несколько плодов, которые сорвал прямо с дерева. Проводник – пожилой индеец, увидел, как Полянский бросает в котелок уже последнюю порцию красиво нарезанного плода и его чуть не хватил удар. Как оказалось, эти плоды были очень ядовиты! Разумеется, приготовленное блюдо пришлось выбросить, и оставшийся день все были вынуждены питаться сухарями, которые, по счастливой случайности, не попались Святославу Михайловичу под руку, когда он готовил «настоящий» обед.

Никита сидел рядом с молчаливым Кимом и, так как сосед явно не намеревался начинать беседу, слушал других гостей.

Полянский-старший, войдя в раж, бурно жестикулируя, рассказывал о будущей передаче, посвященной майя.

– Это была высокоразвитая цивилизация, майя создали потрясающую культуру. Они наблюдали за звездами и планетами, создали календари: солнечный из 365 дней и лунный из 260.

Между прочим, только у майя из всех индейских народов существовала развитая письменность. А их архитектура, керамика, живопись! – говорил Святослав Михайлович. – Вы себе не представляете: до сих пор в джунглях стоят их пирамиды, храмы.

– Святослав Михайлович, расскажите, в каких странах вам удалось побывать, – попросила Светлана Александровна – подруга мамы Никиты.

– Мы объездили практически все земли, которые населяли майя, – отозвался Полянский. – Майя жили на полуострове Юкатан, на части территории современной Мексики, а также владели землями нынешних Гватемалы, Белиза, Гондураса и Сальвадора.

Тут Святослава Михайловича и Женю начали расспрашивать об особенностях этих стран, о том, как и на чем они туда добирались. Прервав на минуту свой рассказ, Полянский подошел к Никите и его соседу по столу Киму и сказал:

– Виталий Валентинович, вы уже познакомились с Никитой?

– Еще не успели, – ответил Ким.

– Он, кстати, в последнее время увлекся Востоком. Целыми днями читает про кармы и медитации, – сказал Святослав Михайлович и обратился к сыну:

– Если ты произведешь на Виталия Валентиновича благоприятное впечатление, он сможет тебе очень многое рассказать о том, чем ты увлекаешься. Он изучил почти все восточные учения и даже три года провел в буддистском монастыре в Китае.

– Правда? – Никита повнимательнее посмотрел на Кима.

Тот улыбнулся, и его миндалевидные темно-карие глаза превратились в узкие щелочки.

Уже через минуту мальчик открывал перед Кимом дверь своей комнаты. Виталий Валентинович оценивающим взглядом смерил книги, стоящие на полке, и недоуменно спросил:

– Ты изучаешь восточные учения поэтому?

– Ага, – Никита растерянно кивнул.

– Но из подобной литературы ты вряд ли сможешь почерпнуть что-то полезное, – сказал Ким, обводя пренебрежительным жестом книги мальчика. – Если хочешь, я дам тебе почитать кое-что посерьезнее.

– Конечно, хочу! – воскликнул Никита.

– Тогда приезжай ко мне завтра, посмотришь мои книги, – предложил Виталий Валентинович. – Возможно, тебя заинтересует монография о реинкарнации – переселении душ.

– Еще бы, конечно, заинтересует! – отозвался обрадованный мальчик – наконец-то появился человек, который всерьез отнесся к его увлечению.

Ким протянул Никите свою визитную карточку.

* * *

Утром Никиту разбудил звук захлопнувшейся входной двери.

Родители отправились на работу, и ему предстояло провести целый день одному – начались осенние каникулы. Делать было абсолютно нечего, и мальчик, позавтракав, уныло бродил по квартире. За окнами по жестяным карнизам барабанил дождь, и идти никуда не хотелось. Никита взял было в руки телефон, намереваясь позвонить Ване Мухину, но вспомнил, что они в ссоре, и передумал набирать его номер.

В комнате папы, куда Никита зашел просто так, от нечего делать, царил полумрак из-за плотно задернутых штор. Встав напротив стеллажа, мальчик рассеянно оглядывал полки с книгами и всевозможными предметами, привезенными со всего света. Здесь были и большие, закрученные спиралью раковины моллюсков из тропических морей, и медный колокольчик с раскопок древнерусского города, и половина удивительно красивой вазы, найденной в Греции, и... В общем, чего только тут не было!

Взгляд Никиты остановился на фигурке божка индейцев майя, которую недавно привез папа. Рука мальчика сама потянулась к статуэтке.

Слегка шероховатая на ощупь, статуэтка была удивительно легкой. Расположившись в любимом папином кресле, Никита рассматривал глиняную фигурку, на которой сохранились остатки краски – судя по всему, когда-то она была ярко раскрашена. Поверхность древней статуэтки усеивали тоненькие трещинки, которые веером расходились от головы индейского божка.

Что-то притягивало взгляд Никиты к статуэтке, и он все пристальнее вглядывался в лицо с крючковатым носом, искаженное злобной гримасой. Веки мальчика начали тяжелеть, и он закрыл глаза. Никита оторопел: он неся с громадной скоростью по все расширяющейся спирали. Казалось, этот стремительный полет продолжался всегда, целую вечность. Постепенно мысли, ощущения покидали сознание Никиты, и скоро он перестал даже удивляться тому, что с ним происходит. Вдруг все вокруг затопил ослепительный свет, в котором понемногу стали проявляться контуры большой ступенчатой башни...

Глава 2

– Чак оградит тебя от опасностей, Бат Балам, – сказал жрец, протягивая статуэтку бога и добавил:

– Пусть она хранится в твоём доме.

Юный воин благоговейно смотрел на разноцветную фигурку крючконосого бога, лицо которого казалось ещё более свирепым из-за длинных изогнутых клыков, торчащих из его рта. Чак был покровителем земледельцев – в его власти было вызвать дождь или потоп. Бог плыл на лодке и держал обеими руками весло.

В глаз Чака был вписан знак топора – без этого орудия не обходился ни один земледelec народа майя.

Бат Балам знал, с каким трудом его народ выращивает маис, золотые початки которого были самым важным продуктом у майя, и другие растения: тыкву, фасоль... С каждым годом земли вокруг громадного города становились все беднее, и земледельцам приходилось уходить все дальше, чтобы подготавливать поля. Большие участки густого леса вырубались топорами, затем все деревья выжигались и только после этого земля, покрытая золой, становилась пригодной для посева.

Недаром бога-покровителя земледелия звали Чак, что означало «топор».

Но все в Чакале – городе, в котором родился Бат Балам, знали, что Чак – очень могущественный бог, и если он начнет помогать кому-то, то этому человеку будет сопутствовать удача во всех начинаниях.

Бат Балам и жрец стояли у подножия громадного ступенчатого храма, вершину которого нельзя было разглядеть в утреннем тумане. Этот храм был посвящен богу Чаку, и входить в него могли только немногие посвященные – Ягуары – так называли правителей Чакаля и жрецы. Бат Балам был сыном нынешнего правителя Чакаля, и его имя, означающее «Факел Ягуара», указывало на это.

Бат Баламу совсем недавно исполнилось 16 лет по солнечному календарю, и жрец храма бога Чака подарил ему статуэтку, которая будет защищать своего владельца.

Бережно неся статуэтку бога в вытянутых руках, Бат Балам отправился во дворец. Чакаль был большим городом: ступенчатые храмовые башни, мощенные улицы, многоэтажные дворцы знати и правителя. Со всех сторон город был окружен деревянными домами воинов, простолюдинов, работавших на полях и в мастерских, где они делали оружие, посуду и украшения, ткали. Бату нечасто приходилось бывать в окраинных поселениях.

Почти вся его жизнь протекала во дворце отца в Чакале, посреди храмов, посвященных разным богам.

Чакаль был богатым городом, сюда прибывали торговцы из самых разных земель и привозили на обмен множество товаров – это были и оружие, и бобы какао, и красивейшие украшения.

Во дворце правителя Чакаля, было пять ярусов, и Читам (так звали правителя) занимал самый верхний из них. Когда в Чакале появлялись люди из других племен и земель, они замирали от восхищения – таких построек, как в этом городе, им не доводилось видеть где-то еще. Дворец правителя был одним из самых красивых и крупных строений в Чакале. Множество лестниц и переходов украшала тонкая резьба из сложных рисунков и надписей. Все стены, и даже ступени лестниц строители Чакаля покрывали специально приготовленной смесью из глины, а когда она застывала, раскрашивали ее в самые разные цвета, поэтому у тех, кто первый раз оказывался в городе, рябило в глазах от многоцветья храмов и дворцов.

Бат поднялся по широкой лестнице на ярус своего отца.

Читам сидел на широкой каменной скамье, покрытой шкурой ягуара, а вокруг него стояли разодетые придворные. На правителе Чакаля была надета расшитая сложным витиеватым узором холщовая рубашка, а голову его украшал высокий убор из затейливо свернутого длинного куска ткани, окрашенной в разные цвета.

Читам был очень худ, но о его силе в народе майя ходили легенды – говорили, что правитель Чакаля мог разломить широкую ветку крепчайшего красного дерева. У Читама были узкие темно-карие глаза, тонкий острый нос и иссиня-черные волосы.

Тонкие губы, изогнутые в форме лука, опущенного тетивой вниз, и высокие скулы придавали лицу правителя Чакаля суровый вид. Недаром подданные при его появлении потупляли взоры и замирали – своим острым длинным ножом из вулканического стекла Читам был готов пронзить сердце каждого, кто осмеливался кашлянуть или переступить с ноги на ногу в его присутствии.

– Жрецы дали мне фигурку Чака, чтобы бог дождей охранял меня от всевозможных опасностей, – сказал Бат отцу.

Войдя в зал, где находился Читам и его ближайшие приближенные, юноша приложил руку к левой половине груди, показывая тем самым свое почтение к правителю Чакаля.

– Ты должен беречь этот дар, – произнес Читам, посмотрев на статуэтку бога дождей.

– Сегодня я отправляюсь на охоту – работники видели в северном лесу ягуара, – сообщил правитель Чакаля. – Я вернусь с убитым зверем и украшу твои плечи его шкурой – это покажет народу, что ты станешь править Чакалем после меня.

Бат поклонился и вышел. Он направился в свои покои.

несмотря на то, что он был сыном правителя, это не давало ему практически никаких преимуществ перед обычными вельможами и жрецами Чакаля – также, как и с ними, Читам обращался с Батом Баламом сугубо в рамках обычаев, появившихся в Чакале еще при его деде и прадеде. В основном, Бат виделся с отцом в дни ритуальных праздников или на погребениях кого-либо из знатных воинов или жрецов.

Хотя они и жили в одном дворце, правитель и его сын практически не встречались, и оба считали это вполне естественным: ведь у Читама было множество обязанностей, связанных с его саном, а юный Бат учился у специально приставленных к нему придворных и жрецов всему тому, что ему было необходимо узнать, чтобы стать достойным преемником своего отца.

– Твой отец собирается на охоту? – в комнату Бата вошла стройная и еще довольно молодая женщина.

Это была его мать, Ичхако. Шестнадцать весен назад юная Ичхако стала женой правителя Чакаля, и все это время она прожила в женской половине дворца, лишь изредка покидая его на время торжеств. В отличие от Читама, Ичхако пользовалась любой возможностью, чтобы повидаться с сыном. Бат любил разговаривать с матерью, которая всегда готова была выслушать его, поддержать и порой ей удавалось повлиять на мнение своего мужа, правителя Чакаля, чтобы усмирить его гнев. А разгневаться Читам мог по любому поводу, и нередко его негодование обрушивалось на головы его близких, в том числе и сына.

Поэтому Бат Балам старался не слишком часто попадаться на глаза отцу.

– Читам сказал, что идет убивать ягуара, которого видели недалеко от города, – ответил Бат и увидев, что мать побледнела, добавил:

– Он обязательно убьет этого зверя и его шкуру подарит мне. Тебе не нужно волноваться из-за этого, это обычная охота.

– Твой отец уже не тот, что прежде, – с грустью произнесла Ичхако. – Возраст и раны, полученные им в сражениях и на охоте, подточили его силы. Ему грозит опасность! Сегодня жрецу Мидатлю из главного храма приснился Соц, который летал вокруг спящего Читама!

Бата пробежал холодок. Перед глазами юноши возник зловещий образ злого бога Соца – жителя подземного царства мертвых, имеющего вид большой летучей мыши. Изображения этого божества часто встречались на стенах храмов.

Жрецы говорили, что Соц порой покидает подземный мир и летает по ночам над городами, нападает на тех, кто не спит и выпивает у них кровь.

– Но отговорить Читама от охоты никто не сможет! – убеждено сказал Бат Балам. – Ты же лучше всех знаешь – если он задумал что-то сделать, то он это непременно сделает.

111 Ичхако склонила голову в знак согласия. Читам был уже далеко не молод, но не хотел этого замечать и вел себя так, как будто все еще полон сил и здоровья. Между тем, приближенные правителя знали, что время не идет ему на пользу, и Читам все больше времени проводит во дворце, не в силах подняться со своего трона – широкой каменной скамьи, покрытой шкурой ягуара.

– Но я все-таки попробую уговорить его хотя бы отложить охоту, пока не кончится действие плохого предзнаменования, – сказала Ичхако, нервно отбрасывая за плечи длинные темные волосы, украшенные бусинами из светло-зеленого камня – нефрита.

– Но ты же знаешь, что это невозможно! – воскликнул Бат.

– И все-таки я попробую, – решила Ичхако и вышла из комнаты, направляясь в покои правителя Чакаля.

Бат в сомнении покачал головой. Он сел возле окна, выходящего на главную лестницу дворца. Юноша задумчиво смотрел на расстилающийся перед ним город. Дворец правителя стоял на холме, а благодаря высокому фундаменту из больших каменных плит из окон верхних ярусов был виден почти весь Чакаль.

Вскоре Бат заметил, как его отец спускается по многочисленным ступеням вниз, в сопровождении нескольких охотников. «Значит, матери не удалось отговорить его», – подумал юноша, глядя на отца. На правителе Чакаля была лишь расшитая набедренная повязка, в руке он сжимал копье, а на поясе у него висел атлатль-копьеметалка – палочка с крюком на конце. При помощи атлатля копье можно было метать с удвоенной силой.

Охотники, сопровождающие правителя, как догадался Бат, не были из числа чакальской знати. Он определил это даже издали, потому что вельможи и именитые жрецы Чакаля, благодаря хорошей еде, были выше и крепче простолюдинов. Кроме того, как только в знатной семье рождался ребенок, ему туго пеленали голову, и со временем она приобретала вытянутую форму, лоб становился покатым.

Вскоре Читама и его свиту скрыла стена храмовой башни.

Правитель отправился в лес, охотиться на ягуара.

Над высокими строениями Чакаля светило солнце, и Бат подумал, что ему стоит поговорить с Мидатлем – главным жрецом – о том дурном предзнаменовании, о котором тот сообщил его матери.

* * *

На мощенных светлым камнем улицах города было пустынно – Чакаль заполнялся народом только в дни торжеств, все же остальное время в нем находились только знать и жрецы, ежедневно занятые отправлением сложных ритуалов.

Главный храм был во многом похож на большинство строений, посвященных богам: квадратный в основании, он состоял из трех частей – четыре лестницы с четырех сторон света поднимались ввысь, к широкой площадке, на которой располагалось здание храма, крышу которого украшал высокий, покрытый резьбой и рисунками гребень. Отличали Главный храм его размеры и роскошная отделка. Никто не мог подняться даже на несколько ступеней по храмовой лестнице под страхом смерти, кроме жрецов и правителя Чакаля.

Когда Бат приблизился к храму и, обходя широкий дворец одного из вельмож, свернул за угол, он едва не столкнулся с жрецом.

– Ты хотел говорить со мной, Бат Балам? – спросил Мидатль.

На плечи жреца был накинут короткий плащ из переливающихся голубым птичьих перьев, его запястья, колени и локти украшали бусы из отшлифованных камней, а голова казалась непомерно большой из-за высокого головного убора из перьев и ткани. На поясе набедренной повязки, длинные кисти которой почти касались земли, висел длинный изогнутый нож с острием из темного стекла, которые собирали в горах. Этим ножом жрец убивал тех, кого приносили в жертву всегда жаждущим крови богам. Бат не раз видел эту церемонию, заставлявшую всех, кто на ней присутствовал, цепенеть от страха не только перед богами, но и перед его истовыми служителями – жрецами.

Мидатль был стар и мудр. Всем в Чакале, да и за его пределами, в других городах и землях майя хорошо были известны коварство и ум жреца Главного храма, поэтому этот человек многим внушал ужас.

– Как ты узнал, что я иду к тебе? – удивленно спросил Бат.

– Боги открывают мне многое, – сказал Мидатль с таинственным видом.

Они стояли у подножия лестницы, ведущей к Главному храму под палящими лучами солнца. Бат хотел отойти в тень, падающую от стены соседнего храма, но жрец даже не пошевелился, и юноша понял, что ему придется стоять на самом солнцепеке, если он хочет побеседовать со Мидатлем.

– Расскажи мне о своем сне, – попросил Бат у жреца.

– Тебе приснился Соц?

– Не только он, – задумчиво покачал головой Мидатль.

– Я видел еще и Змея Всевидения – он показал мне будущее, и это наполнило мою душу страхом.

– Что же ты увидел? – Бат сделал несколько шагов к жрецу, но встретив взгляд темных, непроницаемых глаз, не решился подойти к нему вплотную.

– Я не могу сказать тебе то, что поведал мне Змей Всевидения – владыка, который связывает нас с богами и нашими предками. Но я должен предупредить тебя, что тебе уготована тяжелая судьба, и справиться с будущими испытаниями ты сможешь, если тебе удастся заслужить милость богов, – сказал Мидатль.

– Но как мне это сделать? – взволнованно спросил юноша.

– Ты должен прислушиваться к их воле и исполнять ее, – произнес жрец и, повернувшись, стал подниматься по лестнице, ведущей к храму.

Разговор был окончен. Задумавшись над словами Мидатля, Бат не заметил, как прошел по улицам до самых городских ворот. Чакаль был окружен забором из высоких, заостренных на верхушках кольев из прочных стволов деревьев. Сразу же за деревянными воротами начинался лес, в котором находились хижины земледельцев и рядовых воинов. Раньше на этом месте были поля, но когда земля перестала приносить урожай, здесь поселились люди, начав обрабатывать участки леса, расположенные дальше от города. Лес быстро возвращал свою власть над окрестностями Чакаля – небольшие хижины уже можно было лишь с трудом разглядеть среди вечной зелени деревьев, кустов и лиан.

Бат сел на камень, лежащий у самой городской стены, и стал рассматривать высокий четырехгранный столб, стоящий перед входом в Чакаль. Столб был поставлен много лет назад по солнечному календарю и играл чрезвычайно важную роль в определении начала сева маиса. Сеять начинали на следующий день после того, как солнце на закате заходило прямо за вершину столба. Столб был весь покрыт вырезанными письменами и рисунками, сообщавшими о событиях минувших лет. Кроме того, на столбе были выбиты изображения крючконосого бога Чака – покровителя земледельцев.

От рассматривания священного столба Бата отвлекли приближающиеся крики. Прислушиваясь, юноша поднялся с камня и стал вглядываться вдаль, но буквально в нескольких шагах от него начиналась непроницаемая зеленая стена леса, разглядеть за которой что-либо было невозможно. Вдруг Бат явственно услышал чей-то громкий плач – как ему показалось, несколько мужчин оглашали окрестности горестными криками. Вскоре ветви деревьев зашумели, и Бат увидел нескольких воинов, суетливо семенящих впереди тех, кто медленно шел с какой-то ношей. Один из воинов, увидев юношу, подбежал к нему.

– Бат Балам! – взволнованно воскликнул воин, потрясая копьем в знак своего отчаяния. – Великий Читам ранен! Он приказал принести его во дворец!

Мигом побледнев от ужаса, Бат ринулся вперед, сильно толкнув двух воинов, попавшихся ему навстречу. Он увидел своего отца, лежащего навзничь на носилках, наспех сделанных из веток. Несколько крепких охотников из его свиты несли носилки на вытянутых руках.

– Отец! – позвал Бат.

Но Читам лежал с закрытыми глазами. По откинутой в сторону руке правителя струилась кровь. Бат откинул плащ, которым кто-то из свиты укрыл Читама и вздрогнул – на груди отца зияла глубокая рваная рана.

– Это ягуар, – сказал один из воинов, несших носилки.

– Правитель решил сам заколоть зверя и приказал всем, кто был с ним, не приближаться. Ягуар прыгнул на правителя, тот начал с ним бороться и получил эту страшную рану.

– Где зверь? – грозно спросил Бат.

– Мы убили его, нарушив запрет правителя, – объяснил воин. – Его несут те, кто идет позади.

* * *

Ичхако сидела с окаменевшим лицом перед ложем своего мужа, правителя Чакаля. Она поминутно опускала кусочек холщовой ткани в миску с холодной водой и протирала лоб раненому, метавшемуся в лихорадке. Несколько приближенных из числа знатных воинов и главных советников правителя сгрудились в дальнем конце покоев, в почтительном молчании. Перед ложем на маленьком столике стояла курительница, в которой дымилась пома – ароматная смола.

«Дым помы долетает до богов и они, вкушая его, одаривают в знак благодарности людей своими милостями,» – говорили жрецы.

В изголовье лежащего в забытии Читама сидел на коленях Мидатль. Жрец, выпив травяной отвар, готовившийся специально для того, чтобы слышать богов, полужакрыв глаза и раскачиваясь взад-вперед бормотал что-то неразборчивое, испрашивая выздоровления для правителя Чакаля.

Бат, стоящий возле матери, вглядывался в бледное лицо отца, которое страдания сделали еще более суровым. Даже в беспамятстве Читам внушал окружающим почтение, смешанное со страхом. Только Ичхако испытывала сострадание и пыталась всем, чем могла, облегчить мучения мужа.

За окнами было видно заходящее солнце. Мидатль начал призывать помощь богов на утренней заре, и все это время Ичхако, Бат и близкие советники правителя ни на минуту не покидали покоев Читама. Теперь все чувствовали усталость, и собравшиеся придворные переминались с ноги на ногу, не решаясь покинуть своего владыку.

Непрестанно бормочущий заклятия жрец замолчал, и в комнате воцарилась гнетущая тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием больного. Мидатль склонился над Читамом и вложил в его правую руку амулет из камня, на котором был выбит рисунок – человеческая

фигурка, падающая в разверстую пасть ужасного чудовища, которое означало подземный мир – Шибальбу.

– Зачем ты даешь отцу этот амулет? – встревожено спросил Бат у жреца.

– Это покажет богам, что Читам готов следовать их воле и придет в Шибальбу, если им будет угодно, – тихо сказал Мидатль. – Боги поймут, что правитель Читама относится к ним с почтением и не станут его карать. Его дальнейший путь или в мире людей, или в Шибальбе будет усыпан их милостями.

– Так ты считаешь, что боги призывают душу Читама в подземный мир? – с ужасом спросила Ичхако.

– Да, это так, – подтвердил жрец. Он говорил медленно, растягивая слова. – Если к утру следующего дня покровитель рода Читама, повелитель дождей Чак не изменит своей воли, правитель Чакаля отправится в мир предков.

С этими словами Мидатль, показав жестом, что больше он ничего не скажет, вышел из покоев правителя. Ичхако горестно вздохнула, изо всех сил подавляя в себе желание зарыдать – она не хотела, чтобы муж, когда придет в сознание, видел ее слезы. Бат взял мать за руку и легонько ее сжал, пытаясь хоть как-нибудь поддержать Ичхако.

Так прошло еще несколько часов. Придворные, набравшись храбрости, потихоньку входили в покои и выходили, видя, что Читам все еще не пришел в себя. Во всех храмах жрецы просили богов послать выздоровление правителю Чакаля.

Ичхако и Бат продолжали сидеть у ложа больного. Под утро его дыхание стало более прерывистым, и когда первый луч солнца коснулся его лица, Читам открыл глаза и обвел жену и сына удивительно осмысленным взглядом.

– Сегодня я уйду в Шибальбу, – тихо, но отчетливо, произнес правитель Чакаля.

– Боги даруют тебе спасение! – горячо воскликнула Ичхако, убирая со лба мужа прядь волос.

– Ты знаешь, Ичхако, что это не так, – сказал Читам, повышая голос – было видно, что говорит он из последних сил. – Пусть они подойдут поближе! – приказал он, махнув рукой в сторону придворных, стоящих поодаль от ложа.

Когда советники приблизились к нему, Читам заговорил снова:

– Мое место займет мой сын, который отныне получит имя Бат Ахав Балам – Факел Правитель Ягуар. Мою гробницу пусть построят поблизости от того места, где захоронены мои отец и дед. Чакаль не должен потерять свое могущество...

Читам откинулся на валик, лежащий у него под головой и закрыл глаза. Через несколько мгновений, снова собравшись с силами, правитель открыл глаза и тихо сказал:

– Пусть все уйдут, я хочу поговорить с Батом Баламом и Ичхако.

Придворные спешно направились к выходу, при этом каждый держал руку у груди в знак почтения. Когда за последним сановником закрылась дверь, Читам посмотрел на жену. Ичхако не была избалована вниманием мужа и поразилась, встретив его взгляд, полный ласки.

– Наш сын позаботится о тебе, Ичхако и ты ни в чем не будешь испытывать нужды, как и при моей жизни. Хотя я и не говорил тебе об этом, но ты всегда знала, как я тебе отношусь...

Ичхако взяла мужа за обе руки и пристально смотрела в его глаза. Вся невысказанная любовь и преданность читалась в них. Потом, с трудом переведя взгляд на сына, Читам сказал ему:

– Я передаю Чакаль в твои руки. Ты станешь править нашим народом и отвечать за его жизнь перед богами и предками.

Всегда прислушивайся к их воле и никогда ее не нарушай, иначе наш мир закончит свое существование. Будь истинным сыном рода Ягуаров!

Последние слова Читам уже прошептал. Кровь хлынула из его рта, и Ичхако, не сдержав своей душевной боли, вскрикнула. На ее возглас в комнату вбежали жрецы. Они незамедли-

тельно начали обряд, который должен был помочь душе умирающего правителя как можно скорее попасть в подземное царство и быть принятой там со всеми возможными почестями. Через несколько минут Мидатль скорбно поднял обе руки и воскликнул:

– Ахав Читам отправился в страну предков! Да милостиво встретит его Змей Всевидения!

Глава 3

Вдоль главной, самой широкой улицы Чакаля, выложенной светлыми каменными плитами, стояли все жители этого большого города и его окрестностей. Они пришли сюда, чтобы проводить своего правителя Читама, отправлявшегося в подземный мир. В знак скорби головы всех были посыпаны пеплом и перевязаны белыми повязками. Умершего правителя предстояло перенести из дворца в приготовленную для него гробницу, соорудить которую начали еще при его жизни. Строительство гробниц для самих себя для каждого майя было обычным делом. Читама еще десять солнечных лет назад приказал начать возводить каменный склеп, где бы могло найти вечный покой его тело, когда душа отправится к предкам и богам.

Бат и его мать стояли перед легкими деревянными носилками, на которых лежал умерший. Читама был обряжен в самую пышную одежду – на нем была длинная холщовая рубаха, расшитая разноцветными нитками и бисером из драгоценных камней.

На правителе, которому предстояло пройти свой последний путь в земной жизни, ведущий к его гробнице, было множество украшений. В ушах отливали зеленым круглые серьги, его запястья и щиколотки были украшены круглыми бусинами из зеленого камня – нефрита, считавшегося у народа майя самым драгоценным.

Лицо Читама покрывала маска из тонких нефритовых пластин.

Маска полностью передавала черты лица правителя, в ней были даже сделаны глаза из белых раковин со зрачками из черного вулканического стекла.

Бесшумно в покои вошли воины в расшитых набедренных повязках и головных украшениях из перьев. Несколько человек, встав вокруг носилок, легко подняли их над своими головами – так они и несли их до самой гробницы.

Когда носилки с телом Читама воины вынесли из дворца, началось торжественное похоронное шествие. Сразу же за носилками шли Ичхако и Бат, а за ними – вся именитая знать Чакаля. Люди, стоящие по обе стороны улицы, хранили полное молчание. Шествие постепенно приближалось к гробнице – кубическому строению из широких каменных плит, в одной из стен которого был широкий проход с ведущими вниз ступенями.

Когда похоронная процессия поравнялась с Главным храмом, воинов, несших носилки, сменили жрецы. Они донесли тело Читама до самой гробницы, где переложили его в большой каменный ящик, стенки и крышка которого были покрыты выбитыми рисунками и письменами, повествующими о жизни Читама Балама, великого правителя Чакаля.

Мидатль зажег пому в широком глиняном сосуде, поставленном у входа в гробницу. В правую ладонь Читама жрец вложил нефритовый кубик и сказал, повернувшись к собравшимся вокруг людям:

– Это поможет ему занять высокое положение, достойное его, в царстве мертвых – он подарит его одному из Болон-ти-ку – правителей девяти подземных миров.

Затем Мидатль положил на левую ладонь умершего зеленый каменный шарик.

– А это покажет предкам, что Читама был великим правителем и мужественным воином, – произнес жрец.

Мидатль склонился над головой умершего и вложил в рот маски, покрывающей лицо правителя, нефритовую бусину.

– Отдав ее Первой Матери, давшей жизнь всем людям и богам, он сможет купить себе еду в подземном мире, – объяснил жрец.

После этого в ноги Читама положили несколько бус из красивейших камней и раковин, бывших у народа майя символом смерти. Каменный ящик закрыли крышкой, и жрецы понесли его вниз по ступенькам, туда, куда не мог зайти никто из простых смертных. Когда жрецы

поднялись из гробницы, ее закрыли тяжелой каменной плитой, которую поднимали десятеро самых сильных воинов Чакаля.

По обычаю, теперь, когда правителя достойно проводили в подземный мир, его подданные могли предаться горю. Как только плита с глухим стуком опустилась, воздух наполнился отчаянными воплями и криками. Ичхако, ни слова не проронившая на протяжении всей похоронной церемонии, пошатнулась и повернувшись к стоящему чуть позади нее Бату, попросила:

– Помоги мне уйти!

Юноша молча взял мать под локоть, и они направились в обратную сторону. Бат и Ичхако не говорили друг другу слов утешения и не высказывали своей печали и душевной боли – они прекрасно понимали друг друга без слов. Читам совершил много жестоких поступков, но, несмотря на свой суровый нрав, он никогда не позволил себе оскорбить ни жену, ни сына, и они знали, что он всегда любил их и относился к ним бережно, хотя обычно и не считал нужным показывать это, чтобы не выглядеть слабым в глазах подданных.

* * *

Когда они вернулись во дворец, Ичхако заперлась в своих покоях и никого не хотела видеть. Бат, не находя себе места, бродил по верхним ярусам дворца, переходя из одного узкого зала в другой. Сам не заметив как, он оказался в комнате отца. Сел на ступеньку у ниши в стене, у которой стояли сосуды-курительницы с зажженной помой. В нише стояла статуя бога земли – страшного чудовища, похожего на змею. Жрецы говорили: «Все живое выходит из земли, а после смерти в нее возвращается. Бог земли ведает кругом жизни и смерти.»

Из соседних покоев послышались шаги, и на пороге появился главный военачальник Чакаля, которого звали Зак-Куу-Мо – Парящий Голубой Попугай. Свое имя военачальник получил за хитрость и доблесть в сражениях с врагами Чакаля: кетцалья – попугая, майя считали птицей умной, хитрой и отважной.

– Бат Балам, завтра тебя перед народом, собравшимся перед дворцом, объявят новым ахавом – правителем Чакаля! – сообщил Зак-Куу-Мо.

– Уже завтра? – безучастно отозвался Бат, продолжая сидеть на ступеньке у статуи бога земли.

– Да, – кивнул Зак-Куу-Мо, и длинные зеленые перья на его головном украшении мелко задрожали. – Народу Чакаля нужен правитель!

Бату совсем не хотелось думать о своем получении титула правителя Чакаля. Он чувствовал невыносимую тяжесть в груди и был не в силах преодолеть охватившее его безразличие ко всему. Юноша думал о том, что ему никогда не стать таким же великим правителем, как его отец – Великий Читам Балам, который правил сорок солнечных лет и сумел внушить уважение и даже страх перед собой не только своим подданным, но и народам других земель и городов. Несколько раз враги приближались к Чакалю, но воины, предводительствуемые Читамом, всегда отражали нападения. Читам и сам водил своих воинов в другие земли и даже захватил два соседних города, заставив тамошних правителей платить Чакалю дань.

– Ты должен подготовиться к завтрашнему дню, – убеждено сказал Бату Зак-Куу-Мо. – Жрецы отведут тебя в храм Первой матери, чтобы ты испросил у нее милости. Если тебе удастся заслужить ее благословление, она уговорит всех богов, своих сыновей, покровительствовать тебе и всем твоим делам.

– Я не знаю, смогу ли я править Чакалем, – покачал головой Бат, откидываясь назад, чтобы прислониться спиной к стене.

Каменная стена была холодной, но юноша не замечал этого – ему хотелось, чтобы все происходившее оказалось сном. Он всегда знал, что ему предстоит стать преемником отца, но

привык к мысли, что случится это очень нескоро, где-то в отдаленном будущем. Сейчас же, сразу после погребения отца, ему ничего хотелось, он чувствовал себя слабым и разбитым.

– Твой отец никогда не позволял себе терять свою силу и уверенность, – сказал Зак-Куу-Мо. – Ты должен следовать его примеру. У тебя нет выбора – ты сын великого ахава Чакаля и обязан принять его власть.

Военачальник поклонился и вышел. Бат, закрыв глаза, продолжал сидеть, опираясь на стену, не замечая, как ее холод постепенно охватывает все его тело. Перед мысленным взором юноши мелькали воспоминания о его отце. Он видел его то метаемом копье в ягуара, то поднимающимся по лестнице в Главный храм, то заходящим в его покои.

Когда стусились сумерки и в комнате стало почти темно, дверь приоткрылась, и на пороге показался Мидатль, жрец Главного храма Чакаля.

– Бат Балам! – тихо позвал он юношу, продолжавшего сидеть у статуи бога земли.

Бат открыл глаза, но они были наполнены какой-то пеленой, словно юноша грезил наяву. Жрец встал напротив него и смерил его пристальным, проникающим в самую душу взглядом.

Через мгновение Бат тряхнул головой, словно приходя в сознание после дремы. Мидатль удовлетворенно кивнул и сказал:

– Тебе пора в храм Первой матери. Ты не можешь сейчас предаваться горю – народ Чакаля желает завтра лицезреть своего нового владыку. Великий Читам воспитывал тебя в строгости не случайно: он знал, какая участь уготована тебе судьбой. Правитель не может быть похож на простолюдинов, для которых позволительно показывать свои чувства: горе, любовь, страх. Ты – потомок богов и должен быть подобен им!

– Хорошо, я пойду в храм, – Бат встал и направился к двери, ведущей из покоев отца.

Мидатль, слегка улыбнувшись, сказал, обращаясь к статуе бога земли: «Кровь Ягуаров – правителей Чакаля всегда дает о себе знать. Этот юноша еще станет ахавом, которого полюбят боги и будут охранять духи его великих предков.»

* * *

Бат Балам был одет в длинную холщовую рубаху, с вышитыми на ней изображением Змея Всевидения, который передавал волю предков и богов людям. Юноша стоял на коленях перед выбитой на каменной стене храма фигурой Первой Матери. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как жрецы, под ритмичные удары барабанов торжественно проводили его в храм и закрыли за ним дверь. Казалось, время остановилось. Снаружи, как грезилось Бату Баламу, могли пройти годы, столетия, а в храме, окутанном клубами дыма, за этот срок ничего бы не изменилось.

Юноша размышлял о своих предках, правителях Чакаля, сделавших этот город-государство могущественным и богатым.

Все они были мужественными воинами и правили своим народом жестко, карая тех, кто осмеливался ослушаться их воли. Бат Балам думал о том, сможет ли он хладнокровно расправляться с теми, кто нарушит порядок, установленный в Чакале. От правителя в городе зависело очень многое и предшественники Бата Балама основывали свою власть на страхе и поддержке жрецов.

Насколько ему было известно, далеко не все в Чакале одобряли выбор Читама. Бата Балама многие считали слишком молодым для правителя и поговаривали о том, что лучше бы преемником Читама стал военачальник Зак-Куу-Мо. Юноша решил, что в первую очередь ему придется убедить всех подданных в его способности стать настоящим правителем.

Огонь в светильниках колыхнулся от сквозняка – кто-то открыл дверь.

– Бат Ахав Балам! Первый день твоего правления начался! – громко сказал Мидатль, заходя в храм.

Жрец встал на одно колено перед Батом, приложив руки к сердцу. Юноша быстро встал, готовый идти. У самого выхода из храма Мидатль произнес вполголоса, чтобы его слова никем, кроме юноши, небыли услышаны:

– Сегодня из Радужной башни я видел восход Утренней звезды – это плохой знак, грядет война.

Бат Балам на миг заглянув жрецу в глаза, решительно шагнул вперед и оказался на площадке, являвшейся верхушкой высокой ступенчатой башни. Вокруг расстилалось бескрайнее человеческое море – весь народ Чакаля пришел приветствовать своего нового правителя.

– Бат Ахав Балам! Твой народ ждет тебя! – торжественно сказал Мидатль.

Как только все собравшиеся у храмовой башни люди увидели Бата Балама, они стали на колени и подняли руки, чувствуя нового ахава Чакаля.

Глава 4

Третий день в Чакале длился праздник. В храмах жрецы приносили жертвы в честь богов, прося у них покровительства Бату Баламу. Несколько пленников, захваченных еще при жизни Читама в последней стычке с врагами чакальцев – воинами из города Пакаля. При большом скоплении народа, перед Главным храмом, посвященным богу Чаку, пленников обезглавили. Кривыми ножами из темного стекла жрецы вырезали сердца из бездыханных тел убитых жертв и бросили их в чакмооли – чаши, которые держали в руках каменные фигуры полулежащих воинов.

Во дворце во всю чествовали нового правителя. Вдоль открытой веранды первого яруса дворца, который окаймляли резные каменные колонны, стояли длинные столы, уставленные самыми разнообразными яствами. Вся знать Чакаля пировала здесь.

Бат Балам сидел в большом зале на высокой скамье, встроенной в стену. На его плечах лежала шкура ягуара – того самого, который смертельно ранил Читама. Руки и ноги юного правителя были украшены бусами из нефрита, голову увенчивал высокий убор из перьев, блестящих светлых камней и перьев кетцалья. В правой руке Бат держал жезл, верхушка которого была сделана в виде орлиной головы – это был знак верховной власти правителей Чакаля.

– Да будет к тебе милостив Чак, чьим городом ты повелеваешь! – перед Батом склонился в поклоне один из самых знатных воинов города.

Подданные вереницей тянулись в зал, где отдавали почести новому правителю. Бат Балам милостиво кивал каждому, кто предстал перед ним и касался жезлом его правого плеча – это показывало, что теперь этот человек обязан во всем подчиняться ахаву.

Бату нравилось, что все вокруг стали такими почтительными и робкими. Он самодовольно улыбался. Лишь одно омрачало ему радость – его мать, Ичхако, по-прежнему не выходила из своих покоев и даже не пришла поздравить сына. Но юноша постарался не думать о странном поведении матери, решив, что когда кончится церемония его чествования со стороны подданных, он сам навестит Ичхако и поговорит с ней.

В зал быстрым шагом вошел Зак-Куу-Мо. Когда Бат Балам разрешил ему говорить, военачальник сообщил:

– Правитель, воины, обходившие границы наших земель, встретили отряд из Пакаля, в котором живут наши давние враги. Но наши воины храбры: их сила подобна силе ягуара, а быстрота – быстроте кетцалья. Они убили всех врагов, оставили в живых только одного из них и привели его в Чакаль. Не хочешь ли ты говорить с ним?

– Где он? – спросил Бат Балам, он был очень недоволен, что так нравившаяся ему церемония прервана из-за стычки с пакальцами.

– Его привели во дворец, сейчас он во дворе Стражи, – ответил Зак-Куу-Мо.

– Что ж, придется спуститься туда, – сказал Бат Балам, нехотя поднимаясь со своей скамьи.

Быстро пройдя мимо собравшихся в зале придворных, Бат в сопровождении Зак-Куу-Мо и еще двух знатных воинов спустился по внутренней лестнице во двор Стражи, находившийся позади дворца.

В окружении хмурых воинов, вооруженных копьями и деревянными булавами, утыканными острыми осколками из вулканического стекла, стоял пленник. Это был крепкий на вид мужчина, его руки были связаны веревкой. Он исподлобья смотрел на правителя, несмотря на то, что явно еле держался на ногах.

По всей видимости, ему крепко досталось в схватке с воинами Чакаля – все тело его было покрыто синяками и царапинами, а лицо было изможденным.

– Как посмели воины Пакаля войти без спросу в земли Чакаля? – напустив на себя как можно более грозный вид, спросил Бат Балам у пленника, но тот лишь криво ухмыльнулся, продолжая хранить молчание.

– Отвечай правителю Чакаля – Бату Ахаву Баламу! – Зак-Куу-Мо сильно толкнул пленника и тот упал на землю.

– Ваш правитель – младенец! Наш владыка Пак-Яко смеется над вами. Как можно подчиняться ребенку? Это то же самое, что слушаться женщину, а какой еще больший позор для мужчины может быть?! – сказал пленник.

– Так ваш правитель считает меня ребенком?! – с яростью воскликнул Бат. – Что же, я покажу ему, какой я опасный младенец. Он будет умолять меня о пощаде, валяясь в пыли у моих ног!

Бат дрожал от негодования. Он вспомнил, с какой беспощадностью расправлялся его отец с теми, кто осмеливался ему противоречить, а уж таких оскорбительных речей он бы уж ни за что не потерпел. Юноша выхватил из-за пояса кинжал и занес его над дерзким пленником. Встретив взгляд пакальца, в котором он не увидел ни капли страха, а лишь презрение и вызов, Бат задержал поднятую руку и помедлив в нерешительности мгновение, медленно опустил ее.

– Правитель, прикажите мне его убить! – воскликнул один из воинов, приведших пленника во дворец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.